

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

На правах рукописи

Мирзаянов Рамиль Хакимович

**Международный терроризм и экстремизм как глобальный феномен:
тенденции развития и опыт противодействия**

Специальность 5.5.4. Международные отношения,
глобальные и региональные исследования

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Москва – 2023

Работа выполнена на кафедре геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова.

Научный руководитель – *Мирзаханов Велихан Салманханович* – доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты – *Бельский Виталий Юрьевич* – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

Магомедов Арбахан Курбанович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук

Защита диссертации состоится «21» декабря 2023 г. в 15 ч. 00 м. на заседании диссертационного совета МГУ.054.1 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А, факультет глобальных процессов, ауд. 632.

E-mail: dissovet.msu@mail.ru; alekseenkooa@my.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27), а также на сайте: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/054.1/2779>.

Автореферат разослан «21» ноября 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.054.1,
кандидат политических наук

О.А. Алексеенко

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования. Имея длительную историю своего существования, терроризм и экстремизм в настоящее время становятся глобальной угрозой и вызовом мировому общественному развитию. Иными словами, афористическое сравнение терроризма и экстремизма с «чумой XXI века» недалеко от истины, это позволяет исследователям относить их к глобальным проблемам современности¹.

Несмотря на большое количество исследований, проводимых специалистами по экстремизму и терроризму, некоторые теоретико-методологические вопросы по указанной проблематике (например, соотношение между этими феноменами) не прояснены в полной мере, что проявляется даже в политико-правовых документах противодействия этим явлениям, включая декларации, директивы и стратегии ООН. Это связано, прежде всего, с тем, что насильственная природа терроризма и экстремизма генетически неизменна, но форма их проявлений непрерывно мимикрирует и трансформируется сообразно мировым реалиям и специфике социально-политических процессов, что, на наш взгляд, требует серьезного осмысления.

Актуальность проведения глобальных исследований терроризма растет. Как сообщает отчет Global Terrorism Index 2023, террористические атаки стали более смертоносными, их летальность в последнее время выросла на 26%. Общая смертность от терроризма в мире в целом немного снизилась, хотя в значительной степени это снижение связано с превращением Талибана из террористической группы в государственного актора. За пределами Афганистана смертность от терроризма в остальном мире выросла на 4%. «Исламское государство» (ИГ)² и его филиалы остаются самой смертоносной террористической группировкой в мире восьмой год подряд – в 2022 году ИГ взяла на себя ответственность за теракты в 21 стране. В наиболее

¹ См.: Ильин И.В. Глобалистика в контексте политических процессов. - М.: Изд-во МГУ, 2010. – С. 160.

² Организация признана террористической и запрещена на территории Российской Федерации.

страдающем от терроризма регионе Сахеля (на него приходится 43% смертей от терроризма в мире) число смертей в результате терактов выросло в 18 раз по сравнению с уровнем 2017 года. При этом снижение уровня терроризма на Западе сопровождается интенсификацией его проявлений в других регионах³.

В настоящее время понятие терроризма в международной политической практике трактуется весьма широко, под определение «террористических» могут попадать любые насильственные и криминальные действия, совершаемые в связи или во имя достижения каких-то политических целей, направленных на резкое изменение, крушение, свержение сложившегося национального или международного порядка. Для последнего случая характерно использование ярлыков типа «государство – спонсор терроризма» или даже «государство-террорист», раздаваемых коллективным Западом странам, активно сопротивляющимся навязываемой им гегемонии. В определенное время для одних стран террористы остаются таковыми, а для других становятся «борцами за свободу», тем самым возвращается ситуация времен противостояния двух больших блоков вокруг СССР и США. Экстремизм в этой связи представляется более широким понятием, включающим в себя не только сами вышеуказанные действия, но и призывы к ним, осуществляемые устно, через печатное слово или по электронным сетям.

В этой связи актуальность выбранной темы определяется следующими соображениями.

Во-первых, необходимостью концептуально-методологического анализа современных экстремизма и терроризма с точки зрения их феноменологии, соотношения, генезиса, социально-экономических причин возникновения, а также механизмов их предотвращения.

Во-вторых, важностью выделения основных тенденций в динамике экстремистских и террористических проявлений, а также механизмов

³ Global Terrorism Index 2023 Briefing. Institute for Economics & Peace. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2023/03/GTI-2023-Briefing-web-170423.pdf> (accessed 13.08.2023).

предотвращения этих проявлений на примере современной России (работающих как внутри страны, так и за ее пределами).

В-третьих, принципиальной приоритетностью осмысления антиэкстремистской и контртеррористической деятельности современного государства как внутри страны, так и за ее пределами, во взаимодействии с другими субъектами международного права и мирового сообщества в целом.

Диссертация имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Результаты диссертационного исследования легли в основу практических выводов и рекомендаций, способных расширить представления о феноменологии терроризма и экстремизма в современных реалиях, а также о возможностях противодействия им на международном уровне.

Все вышеотмеченное свидетельствует о несомненной теоретической и прикладной актуальности темы диссертационного исследования, которая в полной мере соответствует паспорту специальности 5.5.4. «Международные отношения, глобальные и региональные исследования», в частности, п. 7 и п. 8.

Степень научной разработанности проблемы. Поскольку проблема терроризма и связанного с ним экстремизма (хотя терминологически последний оформился и вошел в научный и политический оборот несколько позже, во второй половине XIX века) актуализировалась в той или иной степени еще в древности, то мы обращались как к античным авторам, так и к классикам Нового и Новейшего времени, а также к их подходам в определении сущности терроризма и экстремизма, в основе которых насилие присутствует актуально или потенциально⁴.

⁴ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. – М.: Мысль, 1983; Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. / Антуан-Луи-Клод Дестют де Траси; пер. с фр. Д.А. Ланина. – М.: Акад. Проект: Альма Матер, 2013; Клаузевиц К. О войне. Избранное. / Перевод Рачинского А.К. – М.: АСТ, 2019; Кондильяк Э.Б. Сочинения: в 3 т./ Энтъенн Бонно де Кондильяк; общ. ред. вступит. статья и примеч. В.М. Богуславского. – М., 1980–1983; Кондильяк. Э.Б. Трактат об ощущениях. / Э.Б. де Кондильяк; под ред. Е.П. Ситковского. – Изд. 2-е. – М.: URSS: Либриком, 2011; Конфуций. Антология мировой политической мысли. Т. 1. Зарубежная политическая мысль: истоки и эволюция. – М.: Мысль, 1997; Ленин В.И. Полное собрание сочинений. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1958–1965. – Т. 9: Июль 1904 – март 1905. – 1960; Макиавелли Н. Государь. / Под ред. В.П. Бутромеева, В.В. Бутромеева. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011; Манхейм К. Диагноз нашего времени. / Карл Манхейм. – М.: Юрист, 1994; Платон. Государство. Законы. Политика. – М.: Мысль, 1998; Плеханов Г.В. Социализм и

Вопрос корректного определения понятий терроризма и экстремизма поднимался целым рядом авторов – отметим здесь работы Р.Л. Ахмедишина, В.А. Гуторова, А.А. Ширинянца, А.Н. Смертина, С.И. Грачева⁵. Выдающийся европейский исследователь терроризма Э. Шмид еще в своей работе 1998 года сопоставил более сотни разработанных в научной литературе на тот момент определений терроризма, и аргументированно показал, почему ни одно из них нельзя принять как исчерпывающее⁶. Т. Бэди предлагает исходить «от противного» и показывает в своей работе, как определению терроризма способствует разграничение его от других типов насилия, которыми он не является⁷. Е.А. Степанова отмечает, что размытость понятия терроризма проистекает из его острой политизированности⁸. Г.П. Кулешова показывает несовершенство определения феномена терроризма в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»⁹.

В целом общепринятым является представление о тесной связи явлений экстремизма и терроризма, однако характер этой связи и собственно соотношение экстремизма и терроризма в текущих глобальных и национальных политических реалиях остается предметом научной дискуссии, в которую внесли вклад работы А.В. Римского и А.В. Артюха

политическая борьба. Наши разногласия. - Л., 1939; Робеспьер М. Избранные произведения в 3-х томах. – Т. 3. – М.: Наука, 1965; Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. - М.: Правда, 1991; Тойнби А.Дж. Постигание истории. - М.: Прогресс, 1991; Флавий И. Иудейская война. - Минск: Современный литератор, 2004; Энгельс Ф. Письмо К. Маркса от 4.09.1870 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений. – Т. 33. – М.: Издательство политической литературы, 1964.

⁵ Ахмедишин Р.Л. О проблеме отсутствия единой дефиниции терроризма.// Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. – № 1(23). – С. 13–17; Гуторов В.А., Ширинянец А.А. Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации. // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 3. – С. 30–54; Смертин А.Н. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятий. // Вестник С-Пб. университета МВД России. – 2009. – № 1. – С. 54–59. Грачев С.И., Корнилов А.А. К вопросу о дефиниции «терроризм». //Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. – 2014. – №. 3–1. – С. 242–245.

⁶ Schmid A.P. et al. Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. New Brunswick: Transaction Books, 1998. P. 5–6.

⁷ Badey T. J. Defining international terrorism: A pragmatic approach //Terrorism and Political Violence. – 1998. – Т. 10. – №. 1. – С. 90–107.

⁸ Степанова Е.А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология. // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – №. 7. – С. 23–32.

⁹ Кулешова Г.П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий. // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки. 2017. № 3 (43). С. 17–24. См. также: Кулешова Г.П. Терроризм и экстремизм: соотношение понятий и вопросы законодательного их разграничения. // Проблемы права. – 2019. – № 2 (71).

(различающих в том числе рациональный и иррациональный экстремизм)¹⁰, И.Е. Ильичева¹¹, А.В. Богданова и Е.Н. Хазова¹² (исследующих определения экстремизма в международных и российских нормативных актах), В.Г. Кокорева¹³ (концентрирующегося на сопоставлении существующих определений), А.Я. Гуськова¹⁴, Н.В. Володиной и П.Э. Жигоцкого (рассматривающих правоприменение, касающееся экстремистских преступлений, и систематизирующих соответствующие составы преступлений)¹⁵. Особо отметим работы, проливающие свет на политику «двойных стандартов» в международных определениях экстремизма и терроризма, представляющую серьезную проблему, – когда экстремисты, действующие в интересах кого-либо из крупнейших глобальных игроков (в частности, США и их союзников), объявляются «борцами за свободу» и им оказывается разнообразная помощь и поддержка (от финансовой до информационной)¹⁶.

Вопросы хронологии развития терроризма на протяжении истории человечества охватываются работами М.П. Киреева и его соавторов¹⁷.

Представляется очень важным такое направление изучения экстремизма и терроризма, как составление типологий и классификаций этих явлений. Одна из наиболее ранних классификаций принадлежит У. Во,

¹⁰ Римский А.В., Артюх А.В. Экстремизм и терроризм: понятие и основные формы проявления. // *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право.* – 2009. – Т. 10. – №. 16 (71). – С. 244–249.

¹¹ Ильичёв И.Е. Экстремизм и терроризм: соотношение понятий, истоки и современность. // *Вестник Белгородского юридического института МВД России.* – 2020. – №. 4. – С. 4–12.

¹² Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Терроризм и экстремизм как одна из мировых проблем борьбы с преступностью. // *Вестник Московского университета МВД России.* – 2017. – № 5. – С. 231–236. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Терроризм и экстремизм как одна из форм организованной преступности. // *Вестник экономической безопасности.* – 2019. – № 3. – С. 136–141.

¹³ Кокорев В.Г. Соотношение понятий: «терроризм» и «экстремизм». // *Социально-экономические явления и процессы.* – 2013. – №. 1 (047). – С. 239–244.

¹⁴ Меркурьев В.В., Белоцерковский С.Д., Гуськов А.Я., Паненков А.А., Соколов Д.А., Васнецова А.С. Борьба с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 304 с.

¹⁵ Володина Н.В., Жигоцкий П.Э. Исламистский религиозный экстремизм: правовой и философский аспекты. // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки.* – 2014. – № 1. – С. 86–94.

¹⁶ Василенко В.И., Малышев В.В. Религиозный экстремизм и терроризм. // *Социология власти.* – 2012. – №. 3. – С. 233–240.

¹⁷ Попов А.П., Киреев М.П., Попов А.А. Исторические источники понимания терроризма. // *Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал.* – 2014. – №. 1. – С. 89–92. Киреев М.П., Акиев М.Х. Исторические этапы развития и понимания терроризма. // *Труды академии управления МВД России.* – 2012. – №. 4 (24). – С. 70–74. Киреев М.П. и др. Терроризм: психологические корни и правовые оценки. // *Государство и право.* – 1995. – №. 4. – С. 20–43.

различавшему терроризм против иностранных лиц или иностранной собственности; «интегрированный» внутренний терроризм, когда либо цель, либо террорист являются коренными для данного государства; и внешний терроризм, когда террористический акт происходит за пределами границ государства целевого правительства¹⁸. Существуют типологии, построенные на различии между левыми и правыми террористами и иных видах политической ориентации; Э. Шмид и его соавторы М. Штоль и П. Флемминг предложили классифицировать террористов на выбирающих и не выбирающих государство в качестве своей цели¹⁹. Еще одна из первых классификаций терроризма, выстроенная Р. Шульцем, различала революционный терроризм, субреволюционный терроризм (против конкретной части политической системы) и терроризм, направленный против власть предержащих²⁰.

Положив в основу классификации типы целей, таргетируемых террористами, Т.П. Торнтон еще в 1960-х гг. выделил террористические акты, нацеленные на «создание морального духа, рекламу, дезориентацию, устранение противоборствующих сил и провокацию контрмер лицами, находящимися у власти»²¹. Эта типология была впоследствии расширена Дж. Бойером Беллом, который рассмотрел «четыре типа революционного террора – организационный, лояльный, функциональный и символический – и две формы манипулятивного террора – тот, который эксплуатирует и усиливает воздействие насилия, и тот, который используется в ситуации торга»²².

Особо отметим исследования природы и характеристик важной разновидности феномена экстремизма – религиозного экстремизма; в настоящее время наибольшее внимание привлекает исламистский

¹⁸ Waugh Jr W.L. International Terrorism: How Nations Respond to Terrorists. Salisbury, NC: Documentary Publications, 1982.

¹⁹ Schmid A.P., Stohl M. and Flemming P. 'Typologies'. In A.P. Schmid et al., Political Terrorism: A New Guide to Actors, Authors, Concepts, Data Bases, Theories, and Literature. - Amsterdam: North-Holland, 1988, pp. 39–59.

²⁰ Shultz R. Conceptualising political terrorism: a typology // Journal of International Affairs, 21(1), 1978, pp. 7–15.

²¹ Thornton T.P. Terror as a weapon of political agitation. In H. Eckstein (ed.), Internal War: Problems and Approaches. - New York: Free Press of Glencoe, 1964, pp. 82–88.

²² Bowyer Bell J. Transnational Terror. Washington, DC: American Enterprise Institute, 1975.

экстремизм, хотя, разумеется, экстремистские проявления могут быть связаны с различными конфессиями. Отметим сразу, что специалисты по мусульманскому праву и востоковеды (в первую очередь, Л.Р. Сюкияйнен²³ и А.А. Игнатенко²⁴), анализируя исламские правовые нормы, полностью развенчивают заявления исламских экстремистов о том, что они служат исламу, – показывая с опорой на исламские источники права, что экстремистские проявления и террористическая деятельность, якобы направленные на служение религии, на самом деле дискредитируют ее и противоречат этим источникам права. Об исламском экстремизме как специфическом типе поведения пишет востоковед В.В. Наумкин²⁵.

Возникновение новых инструментов мировой террористической практики, связанных с появлением новых технологий (прежде всего, цифровых), затрагивает финансовую и информационную²⁶ сферу, при этом также расширяется объем научных знаний о таких новых видах терроризма, как биологический и химический терроризм²⁷, ядерный терроризм²⁸.

²³ Сюкияйнен Л.Р. Исламская правовая мысль против экстремизма и терроризма. // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – № 1. – С. 24–43. Сюкияйнен Л.Р. Экстремизм и терроризм: оценка исламской правовой мысли. // Партнерство цивилизаций: нет разумной альтернативы. - М.: Институт востоковедения РАН, 2011. – С. 192–216.

²⁴ Игнатенко А. Эпистемология исламского радикализма. // Россия и мусульманский мир. – 2009. – №. 11. – С. 130–150. Игнатенко А.А. Осторожно: ваххабизм! Идеи радикального направления в исламе несут угрозу свободе совести. // Религия и право. 24.02.2009. URL: http://www.sclj.ru/news/detail.php?SECTION_ID=216&ELEMENT_ID=2165 (дата обращения: 15.08.2023).

²⁵ Наумкин В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов. //Россия и мусульманский мир. – 2006. – №. 7. – С. 182–215.

²⁶ Бураева Л.А. Информационный терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации. // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – №. 6. – С. 139–141. Бураева Л.А. Информационные войны и информационный терроризм в современном мире: методы и поле действия. //Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2014. – №. 1 (57). – С. 7–11. Туронок С.Г. Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия. //Общественные науки и современность. – 2011. – №. 4. – С. 131–140. Люев Т.Х. Информационный терроризм как один из видов террористических угроз в условиях глобализации информационного пространства. // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2019. – №. 5. – С. 247–249.

²⁷ Капитонова Е.А. Особенности ядерного и биологического терроризма как новых разновидностей террористического акта. //Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – №. 1 (41). – С. 57–67. Онищенко Г.Г., Топорков А.В., Липницкий А.В., Викторов Д.В. (2016). Проблемы противодействия биологическому терроризму на современном этапе. Инфекционные болезни: Новости. Мнения. Обучение. (1 (14)), 24–31. Шевырев Д.Н. Биологический терроризм: проблемы категорий. // Медицинское право. – 2020. – №. 4. – С. 24–29. Кобец П.Н. Генезис опасной разновидности террористической угрозы – биологического терроризма – и меры по его профилактике. // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – №. 1 (28). – С. 72–78.

²⁸ Косачев К.И. Ядерный терроризм и международно-правовые механизмы борьбы с ним. // Государство и право. – 2004. – №. 8. – С. 85–94. Косачев К.И. Место и роль международного права в борьбе с угрозами ядерного терроризма. // Государство и право. – 2006. – №. 11. – С. 62–69. Косачев К.И. Политические и правовые основы борьбы с угрозами международного ядерного терроризма. - М.: Научная книга, 2005.

Внешнеполитический контекст, в котором сейчас строятся национальные стратегии борьбы с терроризмом, весьма ярко описан Зб. Бжезинским²⁹. Заслуживающие внимания наблюдения на стыке внешнеполитического и экономического контекстов содержатся в работе Дж. Стиглица³⁰. Следует также отметить ряд работ, посвященных различным видам социально-политической дестабилизации, одной из которых является терроризм (особенно важны исследования, посвященные революционной дестабилизации, поскольку революции и террористическая деятельность на протяжении значительной части современной человеческой истории были тесно взаимосвязаны) – в первую очередь, это труды Х. Арендт, П. Генифе, Л.П. Эдвардса, Дж. Голдстоуна, А.В. Коротаева³¹.

При определении тенденций развития экстремистских и террористических проявлений в реалиях современной России как внутри страны, так и за ее пределами, а также политико-правовых механизмов снижения экстремизма, нами было обращено внимание на значительное число исследований российских ученых, в том числе касающихся интернационализации международного терроризма³² и построения системы антитеррористической безопасности (в том числе в правовом аспекте)³³, а

Луков В.В. Новые особенности ядерного терроризма. //Мировая экономика и международные отношения. – 2003. – № 3. – С. 12–23.

²⁹ Бжезинский Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы. - М.: Междунар. отношения. – 2007; Бжезинский, Зб. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. – М.: Междунар. отношения, 1998; Бжезинский, Зб. Выбор: мировое господство или глобальное лидерство. – М.: Междунар. отношения, 2010.

³⁰ Стиглиц Дж.Е. Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. / Джозеф Стиглиц; [пер. с англ. В. Лопатка]. – Москва: Эксмо, 2011.

³¹ Арендт Х. О революции. - М.: Издательство «Европа», 2011; Генифе П. Политика революционного террора, 1789–1794. - М.: УРСС. – 2003; Эдвардс Л.П. Естественная история революции. / Пер. с англ. О.С. Грязновой; под ред. Н.Я. Мазлумяновой. // Социологический журнал. – 2005. – № 1 – С. 101–131. Голдстоун Д., Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Волны революций XXI столетия. // Полис: Политические исследования. – 2022. – № 4 – С. 108–119.

³² Манойло А.В., Шегаев И.С. Особенности борьбы с международным терроризмом в условиях его интернационализации. // PolitBook. – 2017. – № 1; Грачев С.И., Мольков С.Н. Современный международный терроризм: реальность и проблемы противодействия. // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 2 (24). – С. 32–35.

³³ Петров А.В. Построение системы антитеррористической безопасности. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2018. – № 1 (17); Петров А.В. Антитеррористическая безопасность: сущность и содержание. //Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2018. – №. 1. – С. 113–122. Долгова А.И. Система правового регулирования борьбы с терроризмом. // Военное право. – 2018. – №. 4. – С. 50. Долгова А.И. Теоретические основы реагирования на терроризм и экстремизм. // Проблемы теории и практики борьбы с экстремизмом и терроризмом. – Ставрополь: СКФУ, 2015. – С. 5–12.

также создания Национального антитеррористического комитета³⁴. Нельзя не отметить и значительное количество работ³⁵, посвящённых терроризму в контексте этнополитического конфликта в Чечне (здесь особо следует выделить труды В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаева³⁶). Заслуживает отдельного упоминания и цикл работ Д.В. Малышева о террористической угрозе в современных среднеазиатских государствах, поддерживающих тесные связи с Россией³⁷.

В последние годы внимание многих исследователей привлекала контртеррористическая операция России на территории Сирии, где гибридный вооруженный конфликт имел своей составной частью не только противостояние сирийского режима радикальной и ультрарадикальной (террористической) оппозиции, но и активное вмешательство международных террористических группировок, в борьбе с которыми Россия оказала существенную помощь правительству Б. Асада³⁸.

Для построения моделей современной антиэкстремистской и контртеррористической деятельности государства с учетом модернизации законодательства Российской Федерации в противодействии терроризму,

³⁴ Токбаев А.А. Национальный антитеррористический комитет как орган противодействия в борьбе с терроризмом. // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2018. – № 3.

³⁵ Gammer M. Between Mecca and Moscow: Islam, Politics and Political Islam in Chechnya and Daghestan //Middle Eastern Studies. – 2005. – Vol. 41. – №. 6. – P. 833–848; Walker E. W. Islam in Chechnya //Contemporary Caucasus Newsletter. – 1998. – Т. 6. – С. 10–15.

³⁶ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). - М.: Нация, 2001; Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности. - М.: Издательство Московского Университета, 2011.

³⁷ Малышев Д.В. Радикализация ислама в Центральной Азии и Запад. // Актуальные проблемы Европы. – 2016. – №. 3. – С. 186–205; Малышев Д.В. Террористическая угроза с постсоветского юга (Центральная Азия и Кавказ). // Актуальные проблемы Европы. – 2017. – № 4; Малышев Д.В. Сирийский кризис и угроза радикализации Центральной Азии. // Проблемы европейской безопасности. – 2017. – №. 2. – С. 66–102. Малышев Д.В. Государства Южного Кавказа: евроатлантическая и евразийская альтернативы в сфере безопасности. //Проблемы европейской безопасности. – 2016. – №. 1. – С. 89–128.

³⁸ Манойло А.В. Конфликт в Сирии и внешняя политика России. //Актуальные проблемы Европы. – 2020. – №. 2. – С. 145–172. Аксененок А. Сирийский кризис: тернистое движение от войны к миру. // Валдайские записки. 27.08.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sirijskij-krizis-ternistoe-dvizhenie-ot-vojny-k-miru/> (дата доступа 09.08.2023); Васильев А.М. От Ленина до Путина: Россия на Ближнем и Среднем Востоке. / РАН. Институт Африки. Российский университет дружбы народов. – М.: Центрполиграф, 2018. – 670 с. Долгов Б.В. Сирийский кризис на новом этапе: 2017–2019. // АПЕ. 2020. №2. С. 122–144. Васецова Е.С. Проблема урегулирования сирийского конфликта на новом этапе его развития. // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2019. – Т. 21. – №2. – С. 282–294.

были использованы соответствующие работы Е.В. Алехина, В.В. Алешина, В.В. Гордиенко, М. Дзлиева, Э. Иззатдуста, В.Л. Квинта, Д.Н. Петровского³⁹.

Анализ степени изученности проблемы приводит к выводу о накоплении значительного массива теоретических работ и прикладных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также международных инструментов борьбы с экстремизмом и терроризмом, в той или иной мере отраженных в национальном законодательстве России. Однако наблюдается и недостаточная теоретико-методологическая проработанность в политологическом контексте вопросов соотношения между терроризмом и экстремизмом, их генетической природы. Кроме того, за пределами исследовательского внимания зачастую остаются тенденции развития актуальной борьбы с указанными феноменами в части коалиционного взаимодействия большинства государств под эгидой ООН или других организаций.

Эти обстоятельства обусловили наш выбор объекта и предмета, а также определение цели и задач диссертационного исследования.

Объектом исследования являются международный терроризм и экстремизм, модели и стратегии противодействия этим глобальным вызовам.

Предметом данной диссертации являются тенденции и национально-государственные модели противодействия международным террористическим и экстремистским угрозам на основе политико-правового опыта России.

³⁹ Алехин Е.В. Виды и классификация преступлений экстремистской направленности. // Полицейская деятельность. – 2018. – № 4; Алешин В.В., Петровский Д.Н. Укрепление коллективной безопасности и взаимодействия государств-членов ОДКБ в области противодействия терроризму. // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. – 2019. – № 2; Дзлиев М. Современный терроризм: социально-политический облик противника. / Мурат Дзлиев, Эльзад Иззатдуст, Михаил Киреев; под общ. ред. В.П. Гордиенко. – Москва: Academia, 2007; Квинт В.Л. Концепция стратегирования. В 2-х т. - С-Пб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019; Квинт В.Л. Поиск и исследование философских корней теории стратегии. Взаимосвязь философского и стратегического мышления. // Управленческое консультирование. – № 1 (85). – 2016; Квинт В.Л. Стратегическое экономическое воздействие глобального негативного тренда терроризма и экстремизма. // Управленческое консультирование, – 2016. – № 6 (90); Киреев М.П., Юров Н.Н. О соотношении понятий "террористическая деятельность" и "экстремистская деятельность". // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – № 3.

Целью диссертационного исследования является определение доминирующих тенденций борьбы с международным терроризмом на основе опыта России.

Для достижения поставленной цели предстояло решить **следующие задачи:**

- выявить специфику и общее содержание явлений терроризма и экстремизма, соотношение между ними в рамках политологического дискурса;
- определить тенденции развития и социально-экономические и общественно-политические корни, генезис экстремистских и террористических угроз;
- в рамках внешнеполитического аспекта выделить сценарии и механизмы противодействия экстремистской и террористической деятельности в первой четверти XXI века;
- выявить основные параметры этнополитического конфликта в Чечне и технологии его разрешения, а также результаты региональных контртеррористических операций за пределами Российской Федерации;
- оценить эффективность политико-правовых механизмов снижения политического экстремизма на примере современной России;
- обозначить национальные модели борьбы государства с терроризмом и экстремизмом на российском примере;
- предложить авторские варианты модернизации антитеррористического законодательства в правовом поле Российской Федерации;
- зафиксировать место России в борьбе с экстремизмом и терроризмом во взаимодействии с международными организациями.

Теоретико-методологическую основу диссертации составили концепции и теоретические исследования таких зарубежных и отечественных ученых, как Р.Л. Ахмедишин, В.А. Гутаров, А.А. Ширинянц, И.В. Ильин,

Дж. Стиглиц, К.И. Косачев, Зб. Бжезинский, В.А. Тишков, Ю.П. Шабает, М. Киреев, Э. Иззатдуст, Эл. Голдратт и других.

В работе широко применяются **общенаучные и специальные подходы. Методами и инструментами исследования являются:** анализ, синтез, системный, социально-деятельный подход, в сочетании с компаративным (политическим и правовым), сценарным, прогностическим и ситуативным. Совокупность данных подходов и методов позволила определить основные тенденции борьбы с международным терроризмом и вклад России в этот процесс.

Источниковую базу исследования составляет большой комплекс документов и материалов, охватывающий базовые международные и региональные документы стратегического характера; международные документы, регламентирующие борьбу с отдельными видами терроризма; стратегические документы по борьбе с терроризмом, принятые в Российской Федерации; законы Российской Федерации; а также справочные сообщения российских профильных ведомств (в первую очередь, Министерства иностранных дел Российской Федерации). В отдельную подгруппу источников выделены выступления, заявления и стенограммы встреч Президента России В.В. Путина⁴⁰, а также ряд заявлений других глав государств⁴¹.

⁴⁰ Встреча Президента РФ с директором ФСБ Александром Бортниковым (стенограмма) 16 июня 2020 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/63513> (дата обращения: 17.03.2021). Выступление В.В.Путина на пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 28 сентября 2015 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385/videos> (дата обращения: 12.05.2021). Выступление В.Путина на расширенном заседании Совета Безопасности 20 ноября 2014 г. по рассмотрению Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/47045/audios> (дата обращения 18.03.2021). Путин заявил о возможности массового возвращения беженцев в Сирию // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/11/09/putin-zaiavil-o-vozmozhnosti-massovogo-vozvrashcheniia-bezhencev-v-siriiu.html> (дата доступа 01.08.2021). Путин заявил о ликвидации очага международного терроризма в Сирии // ВЕДОМОСТИ. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2020/11/09/846240-putin-zayavil-likvidatsii-ochaga> (дата обращения: 15.03.2021). Путин призвал спецслужбы СНГ к укреплению связей на фоне угроз терроризма // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/4823739> (дата обращения: 17.03.2021).

⁴¹ Выступление президента США Джозефа Байдена на виртуальной Мюнхенской конференции по безопасности 2021 года [ПЕРЕВОД] // US DEPARTMENT OF STATE. – URL: <https://www.state.gov/translations/russian> (дата обращения: 25.03.2021).

Аналитическую базу исследования составили русскоязычные и англоязычные научные статьи и монографии, а также диссертации, посвященные анализу природы и характеристик преступлений экстремистской направленности, различных проявлений политической нестабильности в целом и терроризма в частности, изучению генезиса и свойств этноконфессиональных конфликтов (в том числе ближневосточных), радикального исламизма, деятельности ИГИЛ⁴² и противодействия ему, разработке вопросов безопасности в форматах СНГ, ОДКБ и ШОС и широкого круга других тематически релевантных вопросов.

Статистическую базу исследования составила база Global Terrorism Database, в которой представлены важнейшие характеристики более 200 000 терактов.

Информационно-аналитическая база исследования представлена аналитическими публикациями крупнейших российских медиаресурсов (Ведомости, Российская газета, РБК и др.).

Информационно-эмпирическую базу исследования составили новостные сообщения таких российских новостных ресурсов, как РИА Новости, РБК, ТАСС и другие.

Научная новизна исследования представлена следующим:

– разработаны авторские определения (в широком и узком контекстах) терроризма и экстремизма, обосновано соотношение между ними в прагматическом контексте, показано влияние на них процессов глобализации, пандемии COVID-19, очередного геополитического противостояния Востока и Запада;

– определены основные тенденции и социально-экономические причины, обусловившие эскалацию международной террористической и экстремистской активности в последние годы;

– на основе авторских сценариев («отсутствия атлантического единства», «консолидации атлантизма» и «ситуационного») выделены три

⁴² Организация признана террористической и запрещена в Российской Федерации.

тренда актуализации контртеррористических стратегий с учетом афганских событий: «проатлантический», «инерционный» и «плюралистический»;

– предложена авторская трактовка понятий «контртеррористическая операция» и «антитеррористическая операция» на примере разрешения этнополитического конфликта в Чеченской Республике;

– выявлена специфика региональных контртеррористических операций в России и за ее пределами;

– сформулировано авторское видение типологии современного международного экстремизма, с конкретизацией механизмов государственного противодействия ему с учетом рекомендаций правоприменительного, социокультурного и информационного характера;

– реализован авторский подход в определении существующих и потенциально актуальных национально-государственных моделей противодействия экстремизму и терроризму в «неоатлантической», «автономной» и «множественной» формах;

– определены направления модернизации правового поля России в части борьбы с терроризмом и экстремизмом с соответствующими рекомендациями по оптимизации правовых норм.

Положения, выносимые на защиту:

1. В исследуемом в диссертации теоретико-концептуальном дискурсе феноменологии экстремизма и терроризма прослеживается необходимость создания Международного антитеррористического органа (института) в рамках ООН, для реализации во всех видах и формах контртеррористической борьбы и для создания международных коалиций и конкретных оперативных мероприятий по этой проблематике. Анализ уже проводимых акций антитеррористической направленности показывает, что осуществить указанное достаточно сложно, поскольку большинство стран увязывают свое участие в подобного рода союзах и объединениях с собственными геополитическими интересами, что не всегда оправданно. Любые международные усилия в вопросах борьбы с терроризмом и

экстремизмом необходимы, однако «груз» национально-государственных предпочтений не всегда позволяет в них участвовать. Зачастую подобное участие сопровождается целым рядом условий, как явных, так и латентных. Поэтому целесообразно рассматривать тенденции развития экстремизма и терроризма и борьбы с ними на примере «ответственного государства», каковым является современная Россия.

2. Пролонгация «ситуационного сценария» имеет право на существование. Здесь следует учитывать события на постсоветском пространстве, особенно в Центральной Азии, где борьба с терроризмом для России стала насущной проблемой в трех трендах-стратегиях, выявленных на основе последовательного анализа американской антитеррористической операции и американских сценариев противодействия терроризму, разработанных Зб. Бжезинским, а также динамики позиции России и европейских стран по этому вопросу. Первый из них – «атлантически ориентированный», отражавший своего рода «геополитическое сжатие» России, показал свою неэффективность, усиливая деградацию «постсоветского» пространства, особенно после ухода США из Афганистана. Второй тренд, «инерционный», исходил из общности интересов центральноазиатских государств СНГ и Российской Федерации в сфере борьбы с экстремизмом и террористическим присутствием, без дифференциации между «атлантистами» и лояльными странами. Однако большинство государств увязывает свое участие в антитеррористических акциях со своими национальными предпочтениями и целым рядом явных и латентных условий. Третья версия – «плюралистический» тренд контртеррористической борьбы – отмечена вариативными усилиями в различных евразийских точках: Ближний Восток, Кавказ, а также по линии границ с Афганистаном.

3. В настоящее время подъем экстремизма сопровождается его инструментальным и технологическим многообразием, зачастую в условиях вуалирования истинных целей и задач. На основе анализа литературы

выделяются три основных типа механизмов общественного и государственного противодействия экстремизму в различных проявлениях: политико-правовые, социокультурно-ценностные и информационно-ситуативные, которые взаимообусловлены и предполагают координацию политико-правовых государственных мер с социокультурной социализацией антиэкстремистского характера и соответствующей инфобезопасностью. Политико-правовые антиэкстремистские механизмы с необходимостью выступают универсалией правотворчества и правоприменения, в рамках которых следует дифференцировать действия экстремистской направленности, подлежащие административному регулированию, и собственно экстремистские действия – как объект уголовного права.

4. Социально-политическая практика указывает на возможность и необходимость совместного противодействия экстремизму и терроризму в силу их взаимозависимости, даже если часть государств склонны к отстаиванию национально-государственных интересов и использованию данных угроз против своих геополитических оппонентов. При этом национальные модели антиэкстремистской и контртеррористической борьбы имеют трансграничную проекцию на межгосударственную и мировую политику. Такова «атлантическая» модель с руководящей ролью США и НАТО, базирующаяся на неоатлантизме, который эволюционировал от «кризиса целеполагания» (1990-е годы) до «кризиса разделения ответственности» (при Д. Трампе). Неэффективность данной модели в полной мере продемонстрирована отсутствием положительных результатов многолетнего присутствия США в Афганистане. Вторая модель исходит из частично реализуемой «изоляционистской» (автономной) проекции в условиях так называемой «китайской» биполярности. Здесь предполагается два уровня противодействия терроризму и экстремизму, где оно осуществляется автономно отдельными государствами, а также путем изоляции «центров терроризма». Согласно теории «ограниченных систем», данное противодействие, по сути, фрагментарно и малоэффективно,

поскольку имеет управленческие ограничения по организации борьбы с терроризмом и экстремизмом. Третья модель противостояния указанным угрозам основана на плюрализме евразийских «идентичностей», предполагающих многополярное мироустройство. Данный сценарий выглядит более реалистичным, с учетом жесткого политического противостояния в рамках евроатлантического контура между НАТО, ЕС и США, с одной стороны, и Россией, с другой, а также между США и AUKUS, с одной стороны, с Китаем, с другой, прежде всего в АТР. В рамках постепенно складывающейся многосторонней модели крайне желательно создание координационного механизма для усиления взаимодействия государств-членов ОДКБ и ШОС с целью укрепления евразийской безопасности и с учетом ситуации, сложившейся вокруг Афганистана.

5. Борьба с терроризмом и экстремизмом, несмотря на декларирование общих целей и консенсус относительно антигуманной сущности этих явлений, сопряжена с национальным «эгоизмом» в части формирования коллективного противодействия. К факторам, препятствовавшим созданию мировой контртеррористической коалиции, прежде всего, следует отнести утрату доверия между субъектами международных отношений на фоне роста конфликтогенности, эскалации политики сдерживания со стороны Запада в отношении России и Китая, экономических кризисов и последствий пандемии. Также важна смена парадигмы США с «глобальной войны с терроризмом» на «противодействие насильственному экстремизму» в связи с провалами в Афганистане и на Ближнем Востоке. Эти объективно сложившиеся условия не внушают оптимизма по вопросу консолидации борьбы с терроризмом и экстремизмом, в то же время повышая роль национальных, региональных и субрегиональных институтов и коалиций (ШОС, ОДКБ и др.). При этом данное заключение вовсе не отменяет значимость «антитеррористического глобального альянса», реализация которого имеет отложенный характер,

несмотря на действующую с 2006 года глобальную контртеррористическую стратегию под эгидой ООН.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии политологической интерпретации (в рамках специальности 5.5.4.) феноменов терроризма и экстремизма, а также в установлении автором социально-экономических и политических причин их активизации, определении внешнеполитических аспектов и сценариев предотвращения их в настоящее время, в выявлении принципиальных различий между «контр» и «анти» терроризмами в рамках соответствующих операций внутри и вне Российской Федерации. Сделанные в диссертации выводы и обобщения вносят вклад в конкретизацию содержания политического экстремизма, механизмов профилактики и противодействия ему, а также в интернациональную и национально-государственные модели борьбы с ним, равно как и с международным терроризмом.

Практическая значимость исследования. Научные обобщения и выводы, полученные в ходе исследования, могут иметь практический смысл, прежде всего в рамках сравнения терроризма и экстремизма с точки зрения специфики данных феноменов и их отражения в современных международных, «региональных» и национальных нормативных и правовых актах. Автором обоснована необходимость скорректировать правовое поле Российской Федерации и функционально объединить государственное регулирование в части противодействия экстремизму и терроризму, например, путем разработки общего нормативного правового акта «О противодействии (борьбе) экстремизму и терроризму» с возможностью кодификации по этому вопросу отечественного законодательства.

Материалы диссертации могут быть использованы в учебных и специальных курсах по мировой политике и международным отношениям, национальной безопасности, глобалистике и регионалистике.

Результаты работы и выводы, на них основывающиеся, могут использоваться в качестве аналитического материала в деятельности органов

государственной власти в части законотворчества и правоприменения, а также в формировании стратегий по противодействию терроризму и экстремизму.

Достоверность и апробация результатов исследования.

Достоверность полученных результатов и выводов, сформулированных автором, обеспечивается источниковой базой исследования, а также теоретико-методологическими основами его проведения.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры геополитики факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и рекомендована к защите.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 6 публикациях автора (общим объемом 5,0 п.л.), в том числе – в 4 рецензируемых научных журналах, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук (общим объемом 3,4 п.л.).

Основные положения и выводы прошли апробацию в рамках трех выступлений с докладами на научно-практических конференциях международного и российского уровня: Международном научном конгрессе «Глобалистика-2023» (Москва, МГУ, 17–28 апреля 2023 года), II Международной научной ассамблее «Международное сотрудничество в целях устойчивого развития» (Москва, МГУ, ФГП, 4–7 октября 2022 года), II Международной научной конференции «Актуальные проблемы глобальных исследований: глобальное развитие и пределы роста в XXI веке» (Москва, МГУ, ФГП, 15–18 июня 2021 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав (девяти параграфов), заключения, библиографии, включающей 386 наименований.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются выбор темы и ее актуальность, ставятся цель и задачи исследования, определяются объект и предмет исследования, определяются степень научной разработанности, научная новизна, теоретико-методологические основы, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретические и концептуально-методологические основания исследования современного экстремизма и терроризма**» изучаются исторические корни терроризма и экстремизма. В первом параграфе «*Феноменология экстремизма и терроризма в политических науках*» рассматривается соотношение понятий террора и терроризма, предлагается периодизация истории этих двух феноменов. Выделяется период становления этих явлений, или *прототеррористический* период (примерно до XVIII века, а точнее до 1789 г.); с событий Великой французской революции начинается *классический* этап развития террора и терроризма в условиях создания и актуализации модели «управления страхом». В преддверии и по ходу первой русской революции 1905 года В.И. Ленин теоретически обосновывал трансформацию терроризма в массовое явление. Данный этап эволюции терроризма с большой степенью достоверности можно определить как *постклассический* – с начала XX века по рубеж века XXI. Наконец, нынешний, *современный* этап начинается после известных событий 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, когда террористические проявления приобретают международный и глобальный характер. Базовым в настоящее время (с известными оговорками) является определение терроризма в документах ООН, однако государства-члены ООН во многом не приемлют данную дефиницию. Подчеркивается произвольность признания некоторыми странами (очевидно, антитеррористической коалиции во главе с США) тех или иных действий нелегитимными и/или террористическими. Отмечается также, что одни

экстремистские действия могут одновременно рассматриваться разными акторами положительно («борьба за свободу») и отрицательно («терроризм»), это зависит от ценностей, политических убеждений оценивающего. Автором предлагается определение терроризма как целерационального действия социальных (политических) субъектов, направленного на существенное воздействие на власть, с исключительным использованием насильственных методов. Предлагается также четкое разграничение понятий экстремизма и терроризма – терроризм в генетическом и сущностном выражении является политической деятельностью, а экстремизм, преимущественно регулируемый идеологическими предпочтениями, следует относить к политическому поведению.

Во втором параграфе *«Социально-экономические и общественно-политические корни и генезис экстремистских и террористических угроз»* рассматриваются подходы к классификации террористических проявлений (особое внимание уделяется терроризму, основанному на трактовках тех или иных религиозных норм и убеждений). Рассматривается грань между экстремизмом и терроризмом как между крайним радикальным недовольством, существующим статус-кво и его изменением насильственными методами, и условия, при которых недовольство превращается в протесты, а те, в свою очередь, генерируют различные формы социально-политической дестабилизации, включая терроризм. Показано, что роль уровня и динамики экономического роста в генерации социально-политической нестабильности в целом и терроризма, в частности, остается дискуссионной. Проведенные исследования обнаруживали как положительную, так и отрицательную связь между доходом и терроризмом, а некоторые работы установили даже отсутствие какой-либо связи между ними. Более свежие исследования показывают, что при детальном анализе следует говорить не об отсутствии связи между экономическими показателями и терроризмом, а, скорее, о нелинейности этой связи. Зачастую

значительную роль в возникновении и интенсификации различных видов социально-политической дестабилизации играет не столько реальный уровень дохода и доступ к различным благам, но относительное восприятие людьми своего экономического положения и порождаемая таким восприятием фрустрация. Особенно остро неудовлетворенность ожиданий может ощущаться (и выливаться в различные формы радикализации и политического насилия) при маргинализации отдельных групп населения, выделяемых по тому или иному признаку, поскольку представители таких групп могут ощущать противопоставление себя большинству населения, что приводит к поведению и действиям в парадигме «мы vs они». Особо отмечается появление термина «государственный терроризм», который сегодня (как ярлык и инструмент угроз) угрожает широкому кругу стран, бросающих вызов гегемонии Запада.

В третьем параграфе *«Сценарии и механизмы предотвращения экстремистской и террористической деятельности в первой четверти XXI века (внешнеполитический аспект)»* противостояние терроризму в недавнем прошлом (после 11 сентября 2001 года) вписывается автором в контекст трех последовательно осуществленных сценариев. *Первый сценарий – американская антитеррористическая операция в рамках «атлантического кризиса»* – предполагал не борьбу с терроризмом как таковым, а стремление закрепить конструкцию однополярного мира, элиминировав так называемые режимы-«диссиденты», с безраздельным доминированием США. Развернув антитеррористическую операцию в Ираке, равно как и против талибов в Афганистане, США столкнулись с конфликтами, не имеющими логического завершения, и, по сути, интернационализировали террористическое противостояние, создав его новые точки в Египте, Ливии, Сирии и Йемене. *Второй сценарий – американская антитеррористическая операция в условиях сохранения атлантического единства* – по-прежнему сохранял своим лейтмотивом доминирование США в рамках однополярного мира. Естественными оппонентами данной стратегии, каковыми являются Россия и

Китай, отводятся следующие роли в политике контртерроризма – они должны «работать в направлении интересов США». Беспрецедентным результатом антитеррористической операции США в Ираке (как известно, не получившей консенсусной поддержки) стало образование на основе суннитских экстремистских группировок Исламского государства Ирака и Леванта (организация запрещена в РФ). Третий сценарий – *ситуационный вариант контртеррористической борьбы* – ознаменовался вступлением России в операцию против ИГИЛ на стороне и по приглашению законного правительства Б. Асада. Известно, что Россия не вошла в «атлантическую коалицию» США, не имевшую соответствующего мандата ООН. Изначально российская контртеррористическая активность имела дуальный характер: ликвидация террористических формирований (прежде всего, ИГИЛ) и восстановление целостности сирийского государства с сохранением легитимной администрации. Начиная с осени 2015 года, российский контингент за относительно небольшой период (около двух лет) в основном завершил разгром ИГ, «Аль-Каиды» и «Джебхат ан-Нусры», не ввязываясь в долгосрочную военную кампанию и сохранив возможность оперативного вывода ограниченного контингента. Дистанцируясь от «атлантической коалиции» во главе с США, Россия создала ситуационный антиигиловский альянс совместно с Египтом, Ираном и даже Турцией с политической поддержкой Китая.

Во второй главе **«Тенденции развития экстремистских и террористических проявлений в реалиях современной России»** рассматриваются природа, характеристики и технологии разрешения конфликта в Чечне в конце XX – начале XXI веков, особое внимание уделяется становлению режима КТО (контртеррористической операции), а также механизмам смягчения политического экстремизма.

В первом параграфе *«Этнополитический конфликт в Чечне, технологии его разрешения и их применимость на международном уровне»* выстраивается хронология этнополитического конфликта в Чеченской

Республике и определяются последовательно сменявшие друг друга его ключевые характеристики. Показано, что эволюцию конфессионального радикализма следует рассматривать в качестве одного из важнейших дестабилизирующих факторов, хотя ислам в качестве инструмента политической мобилизации практически не использовался на первом (до 1996 г.) этапе данного этнополитического конфликта. Действия чеченских сепаратистов дезавуировали Хасавюртовское соглашение, далее начался второй этап конфликта, приобретшего иную форму – после вторжения боевиков во главе с Ш. Басаевым и Хаттабом в августе 1999 года в Дагестан, федеральный центр на основании Указа Президента РФ от 23.09.1999 г. перевел свои действия в форму контртеррористической операции с созданием соответствующего воинского контингента. В процессе этнополитического конфликта на втором этапе фиксировались два вектора террористической активности. Первый из них отражает своего рода «чеченизацию» терроризма – террористические акты устраивали друг против друга так называемые «кровники» с двух противоборствующих сторон преимущественно внутри республики. Вторым вектором связан с осуществлением террористических актов за пределами Чечни – в различных регионах России для парализации воли российской общественности и создания рычагов давления на федеральные власти. Для разрешения конфликта, роль «третейских» судей взяло на себя духовенство и часть перешедших на сторону федеральных сил авторитетных полевых командиров. Собственно режим КТО был направлен на нейтрализацию террористических банд, арабских наемников, радикальных полевых командиров и подполья. Снятие режима КТО стало отправной точкой завершения военной составляющей этнополитического конфликта в Чеченской Республике в контексте борьбы с терроризмом, а также декриминализации чеченского общества.

Во втором параграфе *«Региональные контртеррористические операции в России и за ее пределами: причины и результаты»* анализируется

один из ярких и глобально значимых этапов развития российской практики борьбы с международным терроризмом, а именно борьба с ИГИЛ в Сирии. Международное право в области применения военной силы в ходе конфликта в Сирии серьезно пострадало в результате нелегитимного вмешательства в конфликт США и их союзников. Зона сирийского конфликта – крайне проблемная с правовой и, прежде всего, с военно-правовой точки зрения. Информационное пространство вообще представляет собой слабо регулируемое с точки зрения международного права пространство, в котором назрела необходимость применять некоторые нормы, сходные с нормами военного и военно-уголовного права. Отдельный круг вопросов представляет собой использование механизмов разжигания «цветных революций», часто связанных и с террористической угрозой, в целях создания вокруг России поясов нестабильности. Показано, что правовые вопросы военного сотрудничества России с Сирией по предотвращению террористической угрозы полностью находятся в легитимной правовой зоне. Россия обеспечивает защиту мирного населения и поддержание порядка и законности в конфликтных регионах, реализуя свою глобальную гуманитарную миссию и обеспечивая реализацию своих интересов в области национальной безопасности.

Вопросы военного взаимодействия с США и их союзниками фактически вернулись к временам «холодной войны», в ходе которых были разработаны довольно четкие регламенты, позволяющие избежать открытых столкновений, могущих привести к непосредственной угрозе масштабного, в том числе ядерного конфликта. В ряду новых соглашений важно отметить российско-американский меморандум от 2015 года, нацеленный на обеспечение безопасности полётов военной авиации в ходе операций в Сирии. Значимость международных соглашений, регулирующих опасную военную деятельность, резко возросла, при этом в условиях появления новых, «гибридных» угроз, их достаточность находится под большим вопросом.

В третьем параграфе «Рост политического экстремизма и терроризма и политико-правовые механизмы противодействия им» отмечается, что не меньшую, чем терроризм, угрозу представляет собой экстремистский феномен как более пролонгированный в пространстве и во времени. Подъем и рост экстремизма в настоящее время сопровождается инструментальным и технологическим многообразием с идеологической и информационно-сетевой насыщенностью, зачастую в условиях вуалирования истинных целей и задач. При этом следует выделить три основных типа механизмов социального и государственного противодействия экстремизму в различных формах его проявления: политико-правовые, социокультурно-ценностные и информационно-ситуативные. Политико-правовые механизмы противодействия экстремизму выступают некоей универсалией, где отражены правотворчество и правоприменение в сочетании с социокультурными и информационно-безопасными инструментами. При этом следует дифференцировать в проявлениях экстремизма действия экстремистской направленности, подлежащие административному регулированию, и экстремистские действия – как объект уголовного права. В рамках механизмов обеспечения противоэкстремистской инфобезопасности наиболее эффективным представляется фиксация резкого изменения общественного мнения посредством интернет-мониторинга информационного поля страны.

В третьей главе **«Модели антиэкстремистской и контртеррористической деятельности современного государства»** анализируются национальные модели противодействия этим феноменам. Если в концептуально-теоретическом плане терроризм и экстремизм представляют собой различные социально-политические явления – деятельность и поведение, то в праксеологическом отношении картина складывается иная. С одной стороны, существует группа исследователей, которая выступает против признания терроризма крайней формой экстремизма, особенно в прикладном, правовом контексте. С другой

стороны, именно социально-политическая практика указывает на их базовую взаимозависимость и схожесть.

В первом параграфе *«Национально-государственные модели борьбы с терроризмом и экстремизмом на российском фоне»* автор обращается к общей характеристике борьбы с указанными негативными явлениями. Национальная модель противодействия экстремизму и терроризму отражается в вариативном сочетании со стороны государства «жесткой» (hard) и «мягкой» (soft) сил, которая в политико-правовом дискурсе представлена (smart power) – «умной силой». Делается допущение, что национальные антиэкстремистские и контртеррористические модели находят свое выражение в возможных сценариях противостояния международным экстремизму и терроризму. Первый из них *«атлантический»*, соответствующая мировая модель противодействия терроризму выстраивается под безусловным руководством США и НАТО. Данная модель отражает в общем классический и современный атлантизм с приставкой «нео». Второй сценарий можно определить как *изоляционистский (автономный)*, предполагающий изоляцию государств - центров терроризма, международных и региональных террористических организаций в качестве объектов антитеррористических действий. В рамках данного сценария выдвигается идея разделенной коллективной безопасности. Одним из регионов – «слабых звеньев» безопасности – без преувеличения является южный Кавказ. Представителем возможного осуществления автономного сценария противодействия терроризму является Китай, реализующий собственный вариант борьбы с экстремизмом (включающий, в том числе антитеррористические меры) исключительно на своей территории. Третий сценарий, *по форме плюралистический*, исходящий из интегративной сущности евразийских идентичностей, представляется более реалистичным. Этот сценарий исходит из того, что на смену биполярной системе мироустройства (двумя «полюсами» которой являлись СССР и США), исчезнувшей с распадом Советского Союза, приходит многополярная форма

мироустройства, несмотря на сдерживание этого процесса со стороны «атлантизма» (США, НАТО, проект «Глобальная Британия» и т.д.). Евразийская (плюралистическая) модель является оптимальной для России, имеющей и свою многовекторную стратегию в борьбе с терроризмом и экстремизмом, так как имеет в основе многополюсную модель мироустройства и предполагает альянс всех или большинства стран Большой Евразии, пострадавших от терроризма и/или разделяющих озабоченность эскалацией этой угрозы, наравне с экстремистской активностью.

Во втором параграфе *«Россия и международные организации в борьбе с негативными социальными явлениями (экстремизм и терроризм)»* раскрываются перспективы двухуровневого международного сотрудничества: многосторонних форматов нормативно-правовой коммуникации, входящих в систему международного права, а также активного участия РФ в международных органах и институтах. Однако следует отметить, что борьба с терроризмом и экстремизмом, несмотря на декларирование единства общих целей, сопряжена с «национальным» эгоизмом в части формирования единого фронта противодействия.

К факторам, препятствующим созданию мировой антитеррористической коалиции, прежде всего, следует отнести утрату доверия между субъектами международных отношений на фоне роста конфликтности, эскалации политики сдерживания со стороны Запада по отношению к России и Китаю, экономических кризисов и последствий пандемии, смены парадигмы США с «глобальной войны с терроризмом» на «противодействие насильственному экстремизму» в связи с провалами в политике в Афганистане и на Ближнем Востоке. Эти объективно сложившиеся условия не внушают оптимизма по консолидации борьбы с терроризмом и экстремизмом, «отдавая» предпочтения национальным, региональным и субрегиональным институтам и коалициям (ШОС, ОДКБ и проч.).

В третьем параграфе «*Варианты модернизации антиэкстремистского законодательства в соотношении с противодействием терроризму в правовом поле России*» рассматриваются базовые правовые подходы к определению терроризма и экстремизма, а также механизмы противодействия им в законодательстве РФ, уделяется внимание их специфике, особенно в процессе правоприменения.

Во-первых, национальное законодательство в общем и целом скоординировано с международным правом в форме договоров, конвенций и резолюций, межгосударственных соглашений, если они не противоречат действующей Конституции РФ (согласно внесенным в неё поправкам в 2020 году). Самые ранние международные нормы, регламентирующие вопросы борьбы с терроризмом, восходят к 1970-м годам.

Во-вторых, в этой сфере Российская Федерация, особенно за последние 20 лет, осуществила разработку и создала достаточно эффективную нормативную базу в части борьбы и противодействия терроризму и экстремизму, важными элементами которой являются: уточнение понятий «террористический акт» и «террористическая деятельность»; фиксация положения о том, что терроризм – идеология насилия и его основной цели – воздействие на принятие решений органами публичной власти; определение основных принципов противодействия, пресечения, минимализации или ликвидации последствий террористических актов и терроризма в целом; осуществление «криминализации» пропаганды идей терроризма (а также пересмотр признаков теракта – ст. 205 УК РФ, содействие террористической деятельности – ст. 205.1 УК РФ, призывы к терроризму или его публичное оправдание – ст. 205.2); введение понятия КТО и соответствующего режима; раскрытие понятий «экстремистская организация», «экстремистские материалы», «идеология насилия», «радикализм», уточнены механизмы их профилактики и проч.; в самом общем виде определено соотношение между терроризмом и экстремизмом. Делается вывод, что противодействие экстремизму и терроризму должно иметь системный и комплексный характер, отраженный в нормативном правовом поле РФ. Здесь, по мнению автора, вполне допустима разработка общего фундаментального

нормативного акта «О противодействии (борьбе) экстремизму и терроризму».

В заключении сформулированы основные выводы исследования, в наиболее явственном виде отраженные в положениях, выносимых на защиту. Показано, что события недавнего прошлого и настоящего развиваются в рамках последовательного реализуемых *сценариев*: операция США при отсутствии атлантической солидарности, аналогичный сюжет с сохранением атлантического единства и современный (ситуационный) сценарий антитеррористической борьбы. Первые два представляют в целом последовательный транзит от операции в Ираке низкой конфликтной интенсивности к событиям «арабской весны» при гегемонии США и привели к архаизации «Евразийских Балкан» с переносом бремени борьбы с терроризмом на Россию и, отчасти, Китай. С включением в контртеррористический процесс РФ по двум векторам – ликвидация ИГИЛ и восстановление САР – наметились позитивные сдвиги. Пролонгация этого сценария вполне возможна, если ход событий в Ираке, Ливии, Сирии, а также в Афганистане не будет претерпевать существенных изменений. Это в немалой степени будет зависеть от постсоветского пространства, особенно в Центральной Азии, где противостояние терроризму и экстремизму стало для РФ насущной проблемой.

Теоретико-концептуальный дискурс феноменологии экстремизма и терроризма с очевидностью указывает на важность и необходимость создания международного (в рамках ООН) антитеррористического, контрэкстремистского органа. Подобный институт необходим, однако «груз» национально-государственных предпочтений серьезно усложняется. Показано, что три «национальные» модели в настоящее время отражают антиэкстремистские и контртеррористические стратегии, имеющие проекцию на межгосударственную и мировую политику – *«атлантическая»*, *«изоляционистская»* и *евразийская (многосторонняя)*.

Первая из них, с руководящей ролью НАТО и США, базируется на неоатлантизме, эволюционирующем от «кризиса целеполагания» (конец XX века) до «кризиса разделенной ответственности» (при Д. Трампе). Низкую

эффективность данной модели борьбы с терроризмом (экстремизмом) в полной мере показали результаты двадцатилетней афганской кампании США (до августа 2021 г.).

Вторая модель антитеррористического противодействия – изоляционистская (иногда – автономная) – предполагает, с одной стороны, изоляцию «стран терроризма», с другой – уже частично реализуемую автономию в рамках так называемой «биполярной безопасности» с одиноким лидерством Китая. Данная модель базируется на идее «разделенной» коллективной безопасности в региональном и геополитическом контексте с применением «теории ограниченных систем» (Э. Голдратт).

В рамках *третьей, «многосторонней» модели* контртеррористической борьбы, исходящей из интегративной сущности евразийских «идентичностей» на базе многополярного мироустройства, упомянутая «теория ограниченных систем» и ее аргументы выглядят более адекватными сложившимся реалиями. Данная модель представляется более реалистичной и потенциально достижимой, с учетом жесткого противостояния неоатлантизма с Россией, а также с КНР, особенно в АТР.

В рамках постепенно складывающейся многосторонней модели борьбы с экстремизмом и терроризмом желательно и необходимо создание координационного механизма для усиления взаимодействия государств ОДКБ и ШОС, особенно с учетом сложившейся вокруг Афганистана ситуации. Это потребует модернизации антитеррористического законодательства, как на межрегиональном, так и на национальном уровнях, включая правовое поле России.

Указанному процессу может способствовать двухуровневое международное сотрудничество: многосторонние форматы нормативно-правовой коммуникации, входящие в систему международного права, а также участие, в том числе РФ, в международных органах и институтах.

В ходе проведенного исследования были достигнуты поставленные цели и задачи.

III. ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные результаты, положения и выводы диссертации опубликованы в следующих работах автора общим объемом 5,0 п.л.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук:

1. Мирзаянов Р.Х. К вопросу о вариантах модернизации законодательства о противодействии экстремистской деятельности и терроризму в правовом поле России // Россия и современный мир. – 2022. – № 3 (116). – С. 224–236. (1,0 п.л.) ИФ РИНЦ – 0,524.

2. Мирзаянов Р.Х. Рост политического экстремизма и политико-правовые механизмы его снижения // Информационные войны. – 2022. – № 2 (62). – С. 19–23. (0,7 п.л.) ИФ РИНЦ – 0,266.

3. Мирзаянов Р.Х. Россия и международные организации в борьбе с глобальными угрозами экстремизма и терроризма // Вопросы политологии. – 2022. – Т. 12. № 5 (81). – С. 1598–1604. (0,7 п.л.) ИФ РИНЦ – 0,319.

4. Мирзаянов Р.Х. Национально-государственные модели борьбы с терроризмом и экстремизмом // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2022. – № 2. – С. 69–81. (1,0 п.л.) ИФ РИНЦ – 1,444.

Другие публикации:

5. Мирзаянов Р.Х. Феноменология терроризма и экстремизма: истоки, современное состояние // Вестник Российской нации. – 2020. – № 1 (71). – С. 78–91. (1,0 п.л.) ИФ РИНЦ – 0,313.

6. Мирзаянов Р.Х. Тенденции борьбы с международным терроризмом и экстремизмом // Глобальные вызовы международного сотрудничества: сборник статей Международной научной ассамблеи. / Под редакцией И.В. Ильина. – М.: МООСИПНН Н.Д. Кондратьева, 2022. – 235 с. – С. 152–156. (0,6 п.л.).